

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ КОНКУРЕНЦИЮ ЯЗЫКОВ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

А. Н. Неверов
А. Ю. Маркелов
А. С. Айрапетян

Поволжский институт управления
им. П. А. Столыпина РАНХиГС,
410012, Саратов, Россия, ул. Московская, 164

Поступила в редакцию 23.11.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-4
© Неверов А. Н., Маркелов А. Ю.,
Айрапетян А. С., 2021

Оценка влияния интеграционных процессов в различных регионах мира на динамику изучения и использования различных языков традиционно рассматривается в научной литературе через призму социолингвистики или концепции «мягкой силы». В статье предлагается и реализуется другой концептуальный подход к анализу данных процессов — с позиции измерения различных сторон конкуренции языков. Инструментами измерения выступают индекс языковой интеграции, коэффициент полиязычия и индекс языковой монополизации. В качестве объекта реализации данного подхода выбран Балтийский регион. Целью статьи выступает оценка влияния интеграционных процессов на конкуренцию языков на основе анализа динамики рынков языков Балтийского региона. Задача статьи — оценить влияние интеграционных процессов в Европейском союзе на использование языков в выбранном регионе. Эмпирической основой исследования выступают данные Евростата, Евробарометра и официальных органов статистики стран Балтийского региона. Результаты работы показывают тенденцию к росту полиязычности населения стран — участниц интеграционных объединений. При этом развитие интеграционных объединений ведет не к формированию языка-гегемона, а к усилению и взаимопроникновению языков ведущих экономических государств в рамках данных объединений. Уровень развития товарных рынков тех или иных государств и привлекательность их рынков труда выступают основным фактором, определяющим динамику спроса на язык. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что экономическая и политическая интеграция государств детерминирует возникновение двух гетерохронных процессов в рамках развития высокоинтегрированных надгосударственных объединений: а) тенденции к росту монополизации «языкового рынка» интеграционного объединения и «языковых рынков» субрегионов данного объединения; б) тенденции к снижению монополизации на внутригосударственных «языковых рынках» стран — участниц данного объединения.

Ключевые слова:

Балтийский регион, рынок языков, языковая интеграция, языковая монополизация, полиязычие, языковая политика, конкуренция языков

Введение

Конкуренция и конвергенция языков выступают одной из постоянных зон внимания в международных отношениях и антропологии. Зоны распространения тех или иных языковых культур, сферы применения языков, их динамика традиционно привлекают внимание исследователей из различных гуманитарных и социальных наук.

Для цитирования: Неверов А.Н., Маркелов А.Ю., Айрапетян А.С. Оценка влияния интеграционных процессов на этнополитическую конкуренцию языков в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 58–77. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-4.

Международные отношения, геоэкономика и геополитика рассматривают эти вопросы в рамках различных конструктов (например, таких, как «мягкая сила», «умная сила», «ассимиляция», «языковой суверенитет» и т. д.) [1–3]. Начиная с российских и советских филологов и психологов (А. А. Потебня [4], Л. С. Выготский [5], А. Н. Леонтьев [6], А. А. Леонтьев [7] и т. д.) отмечается особая роль владения речью и полиязычности в становлении и развитии мышления человека, его психики в целом.

Особое место проблема полиязычности занимает в лингвистике и социолингвистике. Одна из центральных и магистральных тем исследований здесь — осуществление языковой политики государствами, интеграционными образованиями (например, Европейским союзом), а также частично транснациональными корпорациями. Одной из важнейших научных проблем социолингвистики стала теоретическая разработанность понятия «языковая ситуация», сумма вариантов определений которой сводится ко всей совокупности языковых явлений (количество языков, диалектов, арго и прочее) на определенной территории (государство, регион государства, город, иной населенный пункт и т. д.) на определенный период времени [8–10]. Таким образом, полиязычность может быть элементом языковой ситуации и, одновременно, критерием личностного развития человека.

Балтийский регион в этом смысле выступает особым, показательным, регионом с позиции анализа воздействия политической и экономической интеграции или дезинтеграции на языковое развитие, на конкуренцию и взаимодействие языков [11].

В ряде стран, имеющих выход к Балтийскому морю (ФРГ, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Россия), с 1980-х по 2020-й год несколько раз существенно менялись параметры социально-экономического и геоэкономического развития, происходили серьезные культурно-исторические изменения. Другие страны региона (Швеция, Дания, Финляндия) в целом сохранили в анализируемый период основные параметры собственного социально-экономического развития. В то же время все страны региона имеют общий геоэкономический ареал действия, и трансформации одних существенным образом обычно влияют на развитие других. Экологические, логистические, культурные и историко-экономические компоненты стран также в значительной степени пересекаются.

Исходя из данных обстоятельств целью настоящей статьи выступает анализ динамики рынков языков Балтийского региона. По критерию выхода в акваторию Балтийского моря в состав стран данного региона мы включаем ФРГ, Польшу, Эстонию, Латвию, Литву, Россию, Швецию, Данию, Финляндию. На сегодняшний день все перечисленные государства за исключением России являются членами Европейского союза. Причем сами процессы интеграции в него были разными по времени и по предшествующему опыту (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика интеграции и дезинтеграции стран Балтийского региона
(за исключением России)**

Государство	Дата присоединения к Европейскому сообществу	Примечание
ФРГ	25 марта 1957 года	Часть страны присоединилась к Европейскому сообществу после 3 октября 1990 года в процессе завершения объединения ФРГ и ГДР
Дания	1 января 1973 года	В 1985 году Гренландия в составе Дании покинула ЕЭС
Финляндия	1 января 1995 года	—
Швеция		
Латвия	1 мая 2004 года	До 1991 года входила в состав СССР
Литва		До 1991 года входила в состав СССР
Польша		До 1991 года была членом Совета экономической взаимопомощи
Эстония		До 1990 года входила в состав СССР

Как видно из таблицы 1, Балтийский регион имеет достаточно разнородную историю интеграции в рамках ЕЭС/ЕС, что позволяет на его примере проанализировать, как экономическая и политическая стороны взаимодействия государств влияют на уровень и качество использования различных языков.

Исходя из вышеизложенного, нами был выбран период анализа с 2000 по 2016 год, т. е. отрезок, на котором 50% стран Балтийского региона вошли в ЕС. Одновременно с этим из анализа была исключена Российская Федерация, поскольку она не является членом Европейского союза.

Теоретические положения

Тенденцией современных социолингвистических исследований и исследований в сфере международных отношений являются оценка и прогнозирование влияния глобализации и интеграции на функционирование языков. Этому посвящены не только отдельные статьи, но и сборники статей и обзоров [12], а также монографии [13]. Ряд отечественных и зарубежных авторов полагает, что процессы глобализации характеризуются взаимодействием различных языков друг с другом, в первую очередь с английским языком, его широким распространением, а также заметно сильным влиянием английского языка на другие языки. Н. Н. Трошина характеризует такое влияние английского языка, например на немецкий, как изменение среды обитания последнего [14, с. 104]. Автор также придерживается позиции о, по сути, неизбежности превращения американизированного английского языка в *lingua franca* в Европе ввиду его огромной популярности в молодежной среде [15, с. 10]. А. В. Кирилина в качестве еще одной тенденции глобализационных процессов отмечает следующее: на такие коммуникативно мощные европейские языки, как немецкий, русский, французский, итальянский, направлено основное давление глобализации, оказываемое со стороны английского языка [16, с. 128]. Этому также, по наблюдениям У. Аммона, способствует позиция носителей миноритарных языков в связи с тем, что избавило бы их от необходимости изучать еще какие-либо языки в дополнение к своему родному и английскому [17; 18]. В ряде последних исследований замечено, что использование государственных языков в повседневном общении может быть связано с миграционными процессами и уровнем ассимиляции мигрантов [19].

Несмотря на то, что большинство лингвистов считают неизбежным доминирование английского языка в глобальном мире, в социолингвистической науке все же была высказана позиция о необходимости знать много языков как важной предпосылке для профессионального успеха в будущем, потому что глобальное коммуникационное сообщество не сможет обойтись одним языком на основе английского аргю [20, с. 252]. Более того, немецкий специалист К. Штейнке придерживается мысли, что не только для крупных языковых сообществ, но даже для национальных меньшинств многоязычие будет все же предпочтительным вариантом развития дальнейших глобализационных процессов [20, с. 256]. Глобальное одноязычие на основе английского аргю, по мнению Е. М. Солнцева, снизит уровень культуры международного общения, затруднит взаимопонимание и породит дополнительные расходы, а также будет способствовать стандартизации мышления, что является недопустимым в быстро меняющихся условиях современных международных реалий, требующих комплексного подхода к решению возникших и возникающих проблем [21, с. 141].

Таким образом, современные гуманитарные научные исследования проблематики полиязычия фиксируют его влияние на глобализационные интеграционные процессы [22]. В то же время для подавляющего большинства теоретических и прикладных исследований характерна акцентировка на изучении распространения языка как компонента влияния той или иной культуры или цивилизации [23—30]. Зачастую данный аспект на практике приводит к «конфликтному» нарративу анализа взаимодействия и использования языков [31; 32]. Так, один из наиболее

распространенных подходов к анализу языков рассматривает соотношение родного и выученного языков через призму ассимиляции/сохранения культуры.

Подобная концептуальная рамка, например, была реализована в исследованиях советолога и американского демографа Брайана Сильвера [33; 34] и заключалась в вычислении коэффициента двуязычия (КД) и индекса языковой ассимиляции (ИЯА). Подход предполагал выбор какой-либо этнической группы (народ или нация), в отношении представителей которых высчитывались показатели КД и ИЯА. Примечательно, что данные индексы были разработаны специально для оценки межнациональной политики и измерения уровня двуязычия в СССР и рассматривают на имплицитном уровне соотношение языков как процессы вытеснения или поглощения национальных (этнических) языков со стороны официального языка.

Глобализационные и антиглобализационные тенденции, которые, очевидно, борются друг с другом в рамках человечества последние несколько десятилетий требуют разработки альтернативных методологических и концептуальных подходов, которые бы не исходили в своих базовых посылах из крайних форм конфронтации культур [35; 36]. Одним из таких подходов, по нашему мнению, выступает подход к анализу взаимодействия языков через призму их конкуренции или конвергенции. Для его реализации мы предлагаем три взаимосвязанных показателя [37; 38]. Первый направлен на оценку уровня взаимопроникновения языков, их одновременного использования человеком — показатель уровня полиязычности. Второй — на оценку уровня полиязычности — коэффициент полиязычия. Третий — на анализ и оценку свободы конкуренции языков в том или ином регионе — показатель уровня языковой монополизации.

Мы исходим из того, что свобода конкуренции языков в большей степени способна обеспечить человеку право выбора тех из них, которые он хочет и способен изучить для обеспечения максимально комфортной личной жизни и профессионального развития. Одновременно с этим важно иметь показатель, способный эффективно выявлять тенденцию к росту или снижению количества языков, которыми владеют люди в реальной жизни. Данный показатель позволит оценить влияние глобализации или деглобализации на уровень личностного и психического развития человека через призму динамики его полиязычности.

Все мы хорошо помним, что в конце XIX — начале XX века образованные люди владели более чем двумя языками и во всех университетах западной цивилизации изучались как минимум государственный язык, языки международного общения и латынь как язык науки. Однако называть тот период глобализацией было бы преувеличением. С другой стороны, вторая половина XX века и особенно первые полтора десятилетия XXI века практически во всех источниках обозначались как период становления глобальной человеческой цивилизации, как период глобализации социально-экономических отношений [41 — 43].

В связи с этим интересно посмотреть, как менялось соотношение владения языками и их конкуренция в тех или иных регионах мира. Особый интерес вызывает оценка данных процессов в Балтийском регионе, в котором, с одной стороны, присутствуют все общемировые тенденции миграции и глобализации, с другой — отмечаются традиционно высокие стандарты жизнедеятельности граждан и по-разному реализованные подходы к ценности мультикультурализма.

Инструментарий исследования

Для измерения уровня языковой интеграции мы разработали модификацию показателя, предложенного Б. Сильвером. В рамках данной модификации на уровне концепции мы отказались от использования показателя уровня ассимиляции как направленного на оценку поглощения одной культурной средой другой культуры в пользу акцента на измерение доли населения, владеющей различным количе-

ством языков. По нашему мнению, это позволит выйти на оценку распространения полиязычности в том или ином обществе или, как в случае с целью данной статьи, в регионе мира. Исходя из данных исследований психологов, нами были выделены четыре основных параметра владения языками:

- 1) монолингвы (*МЛ*) — лица, владеющие только одним языком;
- 2) билингвы (*БЛ*) — лица, владеющие двумя языками;
- 3) трилингвы (*ТЛ*) — лица, владеющие тремя языками;
- 4) полилингвы (*ПЛ*) — лица, владеющие четырьмя и более языками.

Исследования лингвистов и психологов показывают, что начиная с четырех основных языков у человека формируется особая компетенция, благодаря которой время на изучение нового языка существенно сокращается, а мышление становится мультикультурным.

Данное концептуальное изменение позволяет построить индекс языковой интеграции:

$$ИЯИ = -\frac{1}{3} + \{(ПЛ \cdot 4) + (ТЛ \cdot 3) + (БЛ \cdot 2) + (МЛ \cdot 1)\} : 300.$$

Показатели МЛ, БЛ, ТЛ и ПЛ берутся в процентном отношении к общей численности исследуемого населения. Каждой выделяемой группе присваивается коэффициент: монолингвам — 1, билингвам — 2, трилингвам — 3 и полилингвам — 4. Таким образом, чем больше население государства знает языков, тем выше его коэффициент. В результате вычислений по предлагаемой формуле получается значение в пределах от 1 до 0. Чем ближе этот результат к 1, тем выше показатель индекса языковой интеграции исследуемого населения, т. е. выше языковая вариативность исследуемого населения и большим количеством языковых возможностей для общения указанное население обладает.

Помимо расчета индекса языковой интеграции в работе будет использоваться показатель уровня полиязычности, обозначенный как коэффициент полиязычия. Данный показатель рассчитывается как сумма в процентах долей БЛ, ТЛ и ПЛ:

$$КП = БЛ + ТЛ + ПЛ.$$

Для оценки уровня свободы языковой конкуренции в рамках Центра психолого-экономических исследований был разработан еще один показатель к измерению использования языков населением и отдельными его группами в различных сферах общения на основе формулы расчета индекса рыночной монополизации Херфиндаля — Хиршмана [44]. Разработанный американскими учеными индекс традиционно используется в экономических исследованиях для оценки конкуренции и степени монополизации в различных отраслях экономики. Особенность нашей модификации заключается в переносе индекса Херфиндаля — Хиршмана в сферу употребления языка. Сферы общения, сферы употребления языков предлагается обозначить как «рынок языков». Таким образом, учету подлежат не доли проданных товаров, а доли используемых языков. В связи с этим предлагается понятие Индекса языковой монополизации (ИЯМ), который рассчитывается из сумм квадратов долей языков, применяемых в исследуемой группе (рынок языка) в определенный период времени (бюджет времени), и имеет следующий вид:

$$ИЯМ = Я_1^2 + Я_2^2 + \dots + Я_n^2,$$

где Я — это доли используемых языков, а n — общее количество языков. Итоговое значение варьируется от 0 до 1, или от 1000 до 10 000 (если считать доли в %).

Чем ближе значение к 1 (10 000), тем меньше конкуренция между языками и тем, соответственно, более монополизированным является положение какого-то из языков. Чем ближе значение к 0, тем сильнее конкуренция между ними, т. е. тем большее количество языков используется на рынке языка (в выбранной исследу-

емой группе, сфере общения и т. д.). Применительно к анализу товарных рынков в экономических исследованиях выделены следующие пороговые значения данных индексов:

- 1) высококонцентрированные рынки: в диапазоне $1801 < \text{ИЯМ} < 10\,000$;
- 2) умеренноконцентрированные рынки: в диапазоне $1001 < \text{ИЯМ} < 1800$;
- 3) низкоконцентрированные (высококонкурентные) рынки: в диапазоне $\text{ИЯМ} < 1000$;

В качестве основы для расчета индексов нами были использованы данные Евростата¹, Евробарометра² и официальных органов статистики стран Балтийского региона³. Данные по РФ по вышеуказанным причинам не анализировались.

Механизм расчета индексов полностью соответствовал методике, опубликованной в наших предыдущих работах [37; 38].

Результаты исследования

Индекс языковой интеграции показывает соотношение среди жителей региона тех, кто владеет и использует в своей коммуникации один (монолингвы) или несколько языков (билингвы, трилингвы и полилингвы). При этом значения индекса до 0,330 означают доминирование монолингвов, а значения, превышающие 0,5, — существенное распространение более двух языков в той или иной стране или регионе.

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что в целом Европейский союз с 2000 по 2016 год балансирует на грани доминирования монолингвов в общей структуре населения (максимальные значения только двух годов — 2011-го и 2016-го — превышают значения 0,332), что указывает на двуязычное пространство коммуникации, в котором национальный (официальный, государственный) язык соседствует с языком межнациональной коммуникации при явном доминировании первого в каждой из стран, входящих в анализируемое объединение государств. Одновременно с этим страны Балтийского региона в отличие от ЕС в целом устойчиво располагаются по уровню языковой интеграции в диапазоне от 0,39 до 0,54, т. е. в зоне полиязычности как нормы для их населения.

¹ *Number of foreign languages known (self-reported) by sex* (Last update: 07.03.2019)// Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_aes_l21 (дата обращения: 21.09.2019).

² *Report “Europeans and languages”*. Eubarometer 54 special produced by INRA (EUROPE) European Coordination Office S. A. for The Education and Culture Directorate-General managed and organized by The Education and Culture Directorate-General Unit «Centre for the citizen — Analysis of public opinion», 2001; *Europeans and their Languages*. Special Eurobarometer 243 / Wave 64.3 — TNS Opinion & Social. European Commission, 2006; *Special note on Europeans and Languages*. Special Eurobarometer 237 — Wave 63.4 — TNS Opinion & Social. European Commission, 2006; *Report “Europeans and their Languages”*. Special Eurobarometer 386 / Wave EB77.1. Conducted by TNS Opinion & Social at the request of Directorate-General Education and Culture, Directorate-General for Translation and Directorate-General for Interpretation. Survey co-ordinated by the European Commission, Directorate-General for Communication (DG COMM “Research and Speechwriting” Unit), 2012; *Annexes to the Report “Europeans and their Languages”*. Technical specifications. Special Eurobarometer 386 / Wave EB77.1. Conducted by TNS Opinion & Social at the request of Directorate-General Education and Culture, Directorate-General for Translation and Directorate-General for Interpretation. Survey co-ordinated by the European Commission, Directorate-General for Communication (DG COMM “Research and Speechwriting” Unit), 2012.

³ *Results of the 2000 Population and Housing census in Latvia*. Collection of statistical data. Riga: Central Statistical Bureau of Latvia, 2002; *Annexes to the Report “Europeans and their Languages”*. Technical specifications. Special Eurobarometer 386 / Wave EB77.1. Conducted by TNS Opinion & Social at the request of Directorate-General Education and Culture, Directorate-General for Translation and Directorate-General for Interpretation. Survey co-ordinated by the European Commission, Directorate-General for Communication (DG COMM “Research and Speechwriting” Unit), 2012; *2000 Population and Housing Census. II. Citizenship, Nationality, Mother Tongue and Command of Foreign Languages*. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2001.

Таблица 2

Динамика индекса языковой интеграции с 2000 по 2016 год

Государство	2000	2005	2007	2011	2012	2016
ЕС	0,246	0,317	0,317	0,352	0,297	0,342
Балтийский регион (без РФ), в том числе:	0,394	0,485	0,508	0,546	0,477	0,541
Швеция	—	0,517	0,550	0,609	0,500	0,555
Финляндия	—	0,463	0,633	0,733	0,497	0,712
Дания	—	0,613	0,512	0,622	0,567	0,620
Латвия	0,380	0,533	0,540	0,558	0,573	0,568
Литва	0,346*	0,530	0,614	0,553	0,540	0,541
Эстония	0,457	0,570	0,543	0,578	0,537	0,606
ФРГ	—	0,340	0,369	0,418	0,340	0,421
Польша	—	0,310	0,302	0,297	0,263	0,306

Примечание: * по Литве приведены данные за 2001 год.

Нетрудно увидеть по представленным в таблице 2 показателям ИЯИ, что наименьшей языковой интеграцией из стран Балтийского региона обладают ФРГ и Польша, которые, среди прочего, обладают наибольшим количеством населения и располагаются на южном берегу Балтийского моря. Западный и северный берега Балтийского моря, наоборот, характеризуются как минимум двуязычной структурой с тенденцией к переходу к трехязычию. Отдельные тенденции демонстрируют Эстония, Латвия и Литва (условно — восточный берег Балтийского моря). Данные государства за период движения в сторону членства в ЕС совершили скачок от билингвальной (государственный и русский либо государственный и английский языки) к трилингвальной структуре (государственный, русский, английский языки). Очевидно, что это произошло за счет роста использования государственного и английского языков соответственно.

Мы видим, что Балтийский регион не только опережает общий уровень ЕС по количеству и качеству используемых языков, но и демонстрирует тенденцию к более быстрому росту полиязычности (рис. 1).

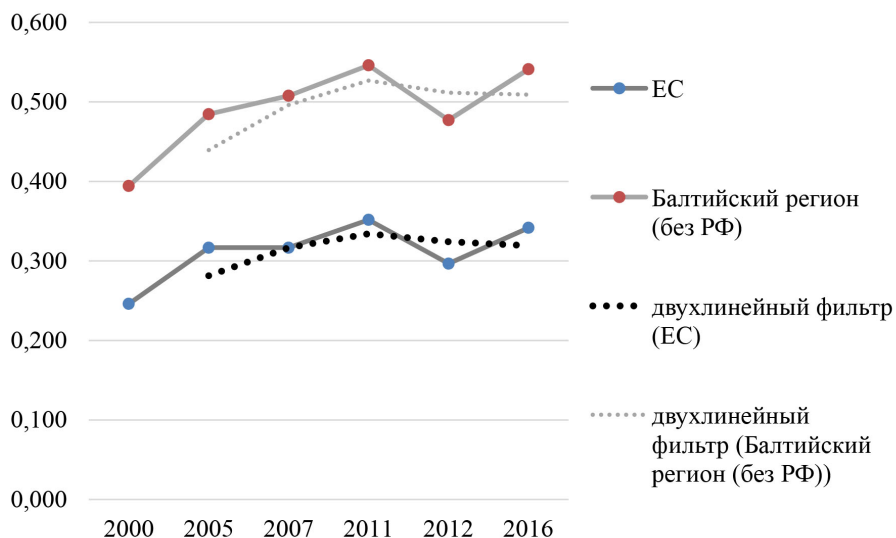

Рис. 1. Динамика языковой интеграции в Балтийском регионе и ЕС с 2000 по 2016 год (по ИЯИ)

Тем самым, можно утверждать, что динамика языковой интеграции, представленная на рисунке 1, демонстрирует тот факт, что Балтийский регион в Европейском союзе является своеобразным драйвером полиязычия. Можно предположить наличие и других драйверов полиязычия в Европе, например в такой роли может выступать Балканский регион. Однако высказанное предположение нуждается в проведении самостоятельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи.

При этом структура самого Балтийского региона по значениям индекса языковой интеграции неоднородна (рис. 2).

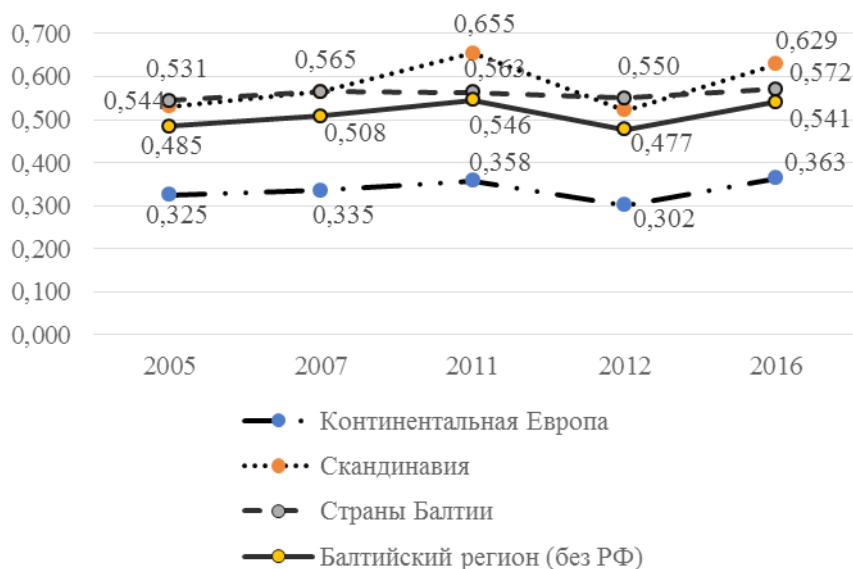

Рис. 2. Динамика языковой интеграции в Балтийском регионе по группам стран с 2005 по 2016 год (по ИЯИ)

Если страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония), совершив рывок в языковой интеграции за период подготовки к вступлению в ЕС (с 2000 по 2005 год), стабилизировали значения показателя на уровень 0,55-0,57, то Скандинавия демонстрирует циклические колебания в диапазоне от 0,53 до 0,65.

Цикличность колебаний в Швеции, Финляндии и Дании, по всей видимости, связана с миграционными потоками. Рост данных потоков снижает общий уровень полиязычности, их стабилизация дает возврат и даже рост значений индекса. Польша и ФРГ, наоборот, демонстрируют устойчивое билингвальное положение, что свидетельствует о достаточно серьезной ориентации большинства граждан данных государств на стремление к языковой ассимиляции мигрантов.

Для проверки высказанных выше предположений была проанализирована динамика коэффициента полиязычия в 2000-2016 годах (табл. 3). Данный показатель отражает, как мы отмечали выше, долю населения страны или региона, владеющего более чем одним языком.

Как и в случае с данными по ИЯИ, показатели КП по Балтийскому региону выше, чем по ЕС в целом (табл. 3). Так, например, в 2000 году коэффициент по Балтийскому региону составлял 0,793, что более чем в 1,6 раза выше соответствующего показателя по ЕС (0,486). К концу анализируемого периода разница КП уменьшилась до 1,4 раза. Интересно, что сокращение разрыва между значением коэффициента полиязычия произошло на фоне роста его значений как в ЕС, так и в Балтийском регионе. Следовательно, несмотря на то, что доля лиц в Балтийском ре-

гионе, владеющих более чем одним языком, по-прежнему выше, чем в ЕС, следует отметить, что уровень полиязычности в ЕС в целом рос с 2000 по 2016 год быстрее, чем в Балтийском регионе.

Таблица 3

Динамика коэффициента полиязычия с 2000 по 2016 год

Государство	2000	2005	2007	2011	2012	2016
ЕС	0,486	0,560	0,631	0,658	0,540	0,646
Балтийский регион (без РФ), в том числе:	0,793	0,809	0,850	0,870	0,806	0,891
Швеция	—	0,900	0,950	0,918	0,910	0,966
Финляндия	—	0,690	0,839	0,918	0,750	0,921
Дания	—	0,880	0,879	0,941	0,890	0,957
Латвия	0,908	0,950	0,949	0,949	0,950	0,957
Литва	0,706	0,920	0,976	0,973	0,920	0,956
Эстония	0,764	0,890	0,863	0,855	0,870	0,912
ФРГ	—	0,670	0,715	0,785	0,660	0,787
Польша	—	0,570	0,627	0,619	0,500	0,670

Среди стран региона в 2016 году Швеция продемонстрировала самый высокий показатель КП, а Польша – самый низкий (0,966 и 0,670 соответственно). В целом можно говорить о наличии двух устойчивых тенденций в исследуемый период: страны Балтии и Скандинавского полуострова демонстрируют циклические колебания изначально высоких уровней показателей КП, в то время как Польша и ФРГ имеют в составе своего населения меньшие доли лиц, владеющих более чем одним языком. При этом для последних характерна меньшая амплитуда колебаний значений коэффициента.

На рисунке 3 можно заметить взаимозависимость между показателями ИЯИ и КП по Европейскому союзу в целом и по Балтийскому региону. Можно говорить о наличии прямой зависимости между общей долей лиц, владеющих более чем одним языком, и общими показателями языковой интеграции. Так, на рисунке 3 отчетливо видно, что чем выше будет КП, тем выше итоговый показатель ИЯИ и наоборот.

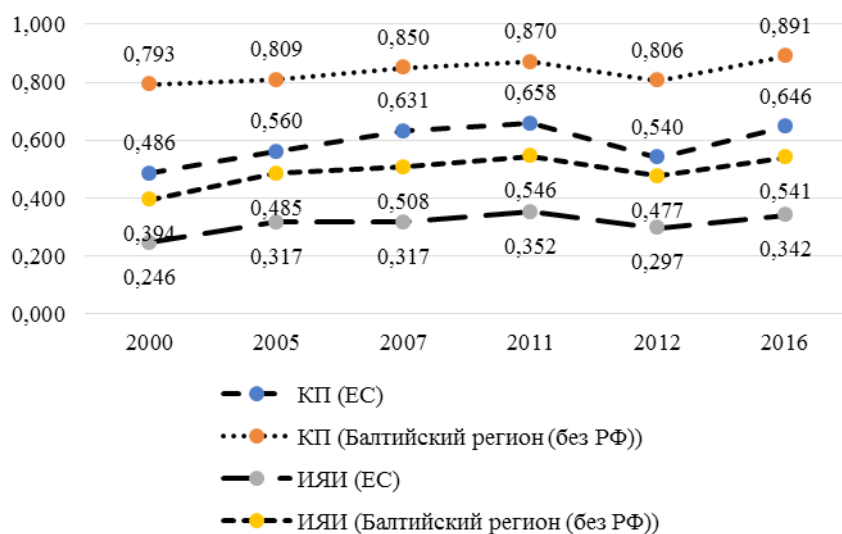

Рис. 3. Динамика коэффициента полиязычия и индекса языковой интеграции в ЕС и Балтийском регионе с 2000 по 2016 год

Эта зависимость в целом, носит очевидный характер даже на инструментальном уровне, однако несмотря на близость технологии расчета двух показателей в целом их динамика носит близкий, но не идентичный характер (рис. 3). Так, в Балтийском регионе кривая значений коэффициента полиязычия более пологая, чем кривая значений индекса языковой интеграции, а в ЕС — наоборот. Разный характер кривых указывает на тот факт, что если в Балтийском регионе доля лиц, владеющих и использующих более чем один язык в целом стабильно высока, то в ЕС именно переход из монолингвов в билингвы и наоборот выступает главным фактором изменений «языкового рынка». Это означает, что колебания языковой интеграции в Балтийском регионе обеспечиваются в первую очередь за счет изменения соотношения долей населения с тремя и четырьмя языками, во вторую — миграционными процессами. Причем последние, по-видимому, происходят через дополнение государственного языка той или иной страны региона в языковом бюджете мигранта к уже сформированной у последнего билингвальности (родной и английский или родной и немецкий языки).

В ЕС в целом же в отличие от Балтийского региона основные изменения связаны с колебаниями полиязычности, а не с языковой интеграции. Это подтверждает позицию, согласно которой в южной части Европейского союза более активными темпами идет рост межкультурной коммуникации, который имеет под собой меньший стартовый уровень, чем в регионе Балтийского моря.

Данные по динамике коэффициента полиязычия по различным подгруппам государств Балтийского региона, представленные на рисунке 4, показывают, что предположение о принципиальной трилингвальности населения Эстонии, Латвии и Литвы, высказанное выше, справедливо.

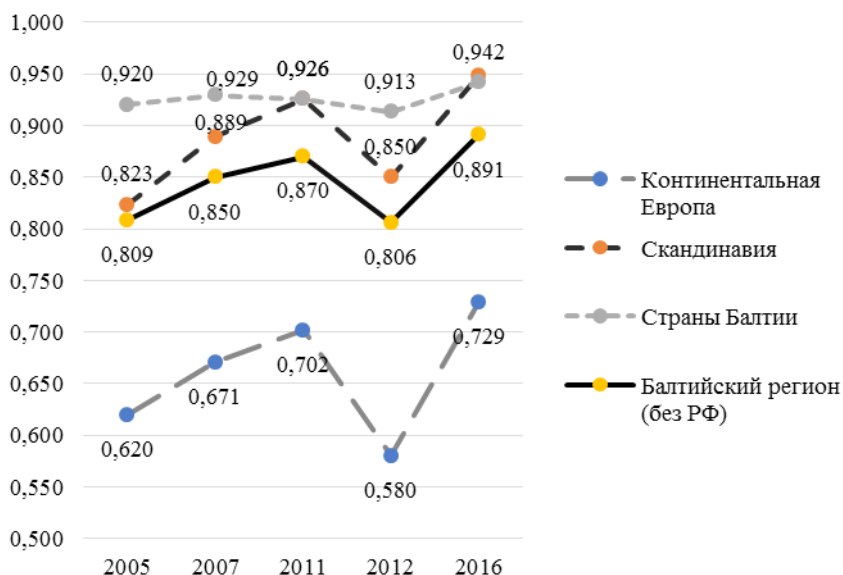

Рис. 4. Структура динамики коэффициента полиязычности у разных групп стран Балтийского региона с 2005 по 2016 год

Именно страны Балтии демонстрируют близкие к максимальным значения полиязычности, тогда как страны южного берега Балтийского моря (ФРГ и Польша), наоборот, практически на 50% обладают монолингвальным и билингвальным населением.

Интересно, что резкое снижение коэффициента полиязычия, произошедшее в 2012 году, практически не затронуло бывшие прибалтийские республики. В то же время в данном году ФРГ и Польша продемонстрировали наименьший показатель коэффициента полиязычия, который был даже ниже значения 2005 года.

В целом общие тенденции «языкового рынка» Балтийского региона заключаются в последовательном росте полиязычности и языковой интеграции. Возникает вопрос: происходит ли это за счет роста использования какого-либо одного языка (например, английского) или же за счет усиления контактов между жителями разных государств на базе использования языков друг друга? Или, другими словами, экономическая и политическая интеграция приводит к росту монополии какого-либо языка или, наоборот, обеспечивает тенденцию к формированию высококонкурентной языковой среды?

Расчет показателя монополизации мы смогли осуществить только по двум годам: 2005-му и 2012-му — в связи с дефицитом первичных данных по другим периодам.

На рисунке 5 представлены данные о соотношении уровня языковой монополизации в целом по ЕС и в Балтийском регионе. Нетрудно заметить, что в обоих случаях можно говорить о «высококонцентрированном языковом рынке», а также о тенденции к росту концентрации.

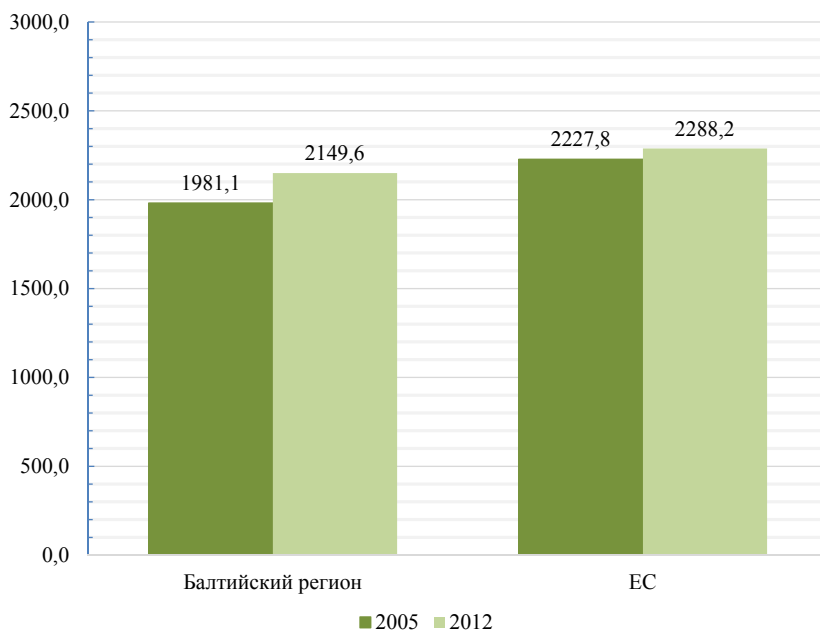

Рис. 5. Соотношение уровней языковой монополизации Балтийского региона и Европейского союза в 2005 и 2012 годах

При этом более быстрыми темпами растет языковая монополизация именно в Балтийском регионе (на 8,5% за семь лет), тогда как в ЕС она за этот же период практически не изменилась (рост на 2,7%). В то же время общий уровень концентрации в ЕС выше, чем в Балтийском регионе.

При сопоставлении всех трех рассматриваемых в настоящей статье показателей получается интересная картина. С одной стороны, Балтийский регион выступает драйвером языковой интеграции и сектором высокоразвитой полиязычности, с другой — рост данных показателей происходит не за счет диверсификации языков, а за счет их концентрации.

Одновременно с этим Европейский союз в целом показывает относительно низкий уровень языковой интеграции и полиязычности. При этом тенденция к росту и первого и второго показателей также ведет только к росту концентрации языков.

В расчете по отдельным странам Балтийского региона картина становится еще более интересной (рис. 6).

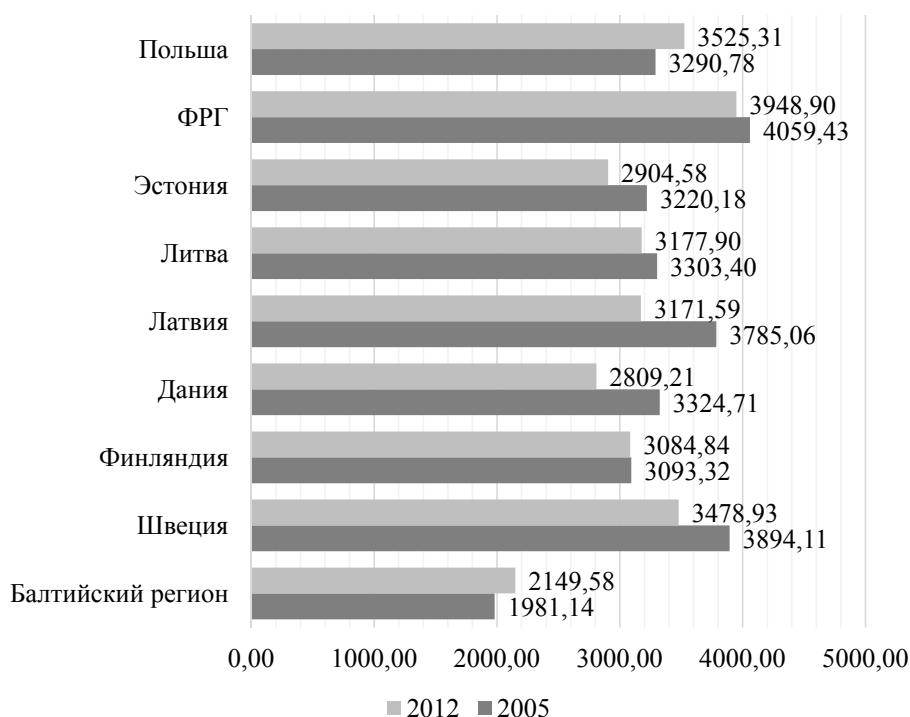

Рис. 6. Соотношение уровней языковой монополизации по странам Балтийского региона в 2005 и 2012 годах

Если в целом по региону уровень монополизации вырос только до 2150, что, конечно же, свидетельствует о высококонцентрированном языковом рынке (порог высококонцентрированного рынка — 1801 балл), но до среднеконцентрированного состояния — всего 350 баллов, то все страны региона, взятые по отдельности, имеют показатели монополизации в диапазоне от 2800 до 4060, т.е. более чем на 1000 пунктов превышающих среднеконцентрированное состояние «языкового рынка».

Тем самым можно говорить о том, что в целом регион значительно менее монополизирован в языковой сфере, чем каждая отдельная страна.

Нельзя сказать, что этот результат нельзя было ожидать. Действительно, в случае если мы говорим об экономической и политической интеграции, это на практике означает уменьшение доминирования национальных языков в пользу усиления тех языков, которые выступают средством межкультурной коммуникации.

Таким образом, наблюдаемая на рисунке 6 картина свидетельствует о том, что в целом интеграционные процессы ведут к последовательному выравниванию уровня языковой монополизации внутри отдельных стран и в регионе интеграции. В то же время мы видим, что данные процессы для каждой из стран носят разнонаправленный характер. Так, если в Польше, как и в регионе в целом, наблюдается рост монополизации, то в других странах региона идет снижение монополизации.

По всей видимости, нетипичная для региона ситуация в Польше в значительной мере определяется реальной языковой политикой, проводимой в данной стране и направленной на уменьшение доли использования всех других языков, кроме польского, немецкого и английского. Тогда как в других странах региона реализу-

ется курс на полиязычность населения. Несмотря на это, общая тенденция налицо. Тенденция к росту языковой монополизации в регионе сопровождается снижением концентрации на внутригосударственных языковых рынках.

Для более детального анализа происходящих процессов мы составили две аналитические таблицы (табл. 4, 5). В них представлены только те языки, доля использования которых 10% и выше.

Таблица 4

Лидеры «языкового рынка» в странах Балтийского региона в 2005 году, %

Государство	Язык 1	Язык 2	Язык 3	Язык 4	Всего
Балтийский регион	Немецкий (31,36)	Английский (23,48)	Польский (14,08)	—	68,92
Швеция	Шведский (47,31)	Английский (39,70)	—	—	87,01
Финляндия	Финский (44,79)	Английский (24,41)	Шведский (21,02)	—	90,22
Дания	Датский (44,61)	Английский (34,25)	—	—	78,86
Латвия	Русский (43,03)	Латышский (42,79)	—	—	85,82
Литва	Литовский (41,11)	Русский (36,46)	—	—	77,57
Эстония	Эстонский (41,11)	Русский (36,46)	Английский (12,15)	—	89,72
ФРГ	Немецкий (55,35)	Английский (27,68)	—	—	83,03
Польша	Польский (51,66)	Русский (13,86)	Английский (12,46)	—	77,98

Таблица 5

Лидеры «языкового рынка» в странах Балтийского региона в 2012 году, %

Государство	Язык 1	Язык 2	Язык 3	Язык 4	Сумма
Балтийский регион	Немецкий (32,84)	Английский (27,84)	Польский (13,67)	—	74,35
Швеция	Шведский (42,27)	Английский (39,09)	Немецкий (11,82)	—	93,18
Финляндия	Финский (40,69)	Английский (30,30)	Шведский (21,21)	—	92,20
Дания	Датский (36,50)	Английский (32,70)	Немецкий (17,87)	—	87,07
Латвия	Латышский (37,55)	Русский (37,15)	Английский (18,18)	—	92,88
Литва	Литовский (40,35)	Русский (35,09)	Английский (16,67)	—	92,11
Эстония	Эстонский (35,24)	Русский (33,04)	Английский (22,03)	—	90,31
ФРГ	Немецкий (53,59)	Английский (30,94)	—	—	84,53
Польша	Польский (53,98)	Английский (18,75)	Немецкий (10,80)	Русский (10,22)	93,75

Данные, представленные в таблице 4, демонстрируют высокую концентрацию «рыночной власти» на «языковом рынке» в государствах Балтийского региона. По аналогии с экономическим анализом товарных рынков по всем странам региона можно говорить о языковой дуополии или монополии. Причем дуополия наблюдается в Эстонии, Латвии, Швеции, Дании и Литве. Если в бывших прибалтийских республиках СССР это объясняется ролью русского языка в недавнем прошлом как государственного, то в Швеции и Дании, по всей видимости, объяснением выступает наличие высокой интегрированности шведской и датской экономик с экономикой Великобритании, Канады и США.

В остальных странах Балтийского региона в 2005 году наблюдается фактически монополия официального государственного языка.

К 2012 году картина в целом поменялась (табл. 5). Все государства региона перешли к модели «языкового рынка» с тремя лидерами (в 2005 году такая модель была только у 40% государств). Польша, которая, как мы видели выше, демонстрирует контртенденцию по уровню монополизации по отношению к другим странам Балтийского региона, вообще перешла к модели с четырьмя лидерами.

Дуополия, как и в 2005 году, наблюдается в Швеции, Дании, Литве. Языковая монополия сохранилась в ФРГ и Польше. Эстония и Латвия от дуополии перешли к модели «трех языковых лидеров», причем данный переход произошел за счет снижения доли русского языка и роста доли английского. В Польше, невзирая на сохранившуюся монополию, существенно нарастили свои конкурентные позиции английский и немецкий языки.

Тем самым можно предварительно говорить о том, что развитие экономических и политических интеграционных процессов не ведет напрямую к монополии языка межкультурной коммуникации, хотя и существенно повышает спрос на него. Скорее, можно говорить о том, что интеграционные процессы повышают спрос на те языки, которые связаны с наиболее развитыми товарными рынками, особенно с рынком труда.

Заключение

Проведенный анализ Балтийского региона с позиции расчета трех взаимосвязанных показателей: индекса языковой интеграции, коэффициента полиязычия и индекса языковой монополизации — позволяет выйти на оценку влияния глобализации и экономико-политической интеграции на состояние «рынка языков». В связи с этим основное сопоставление проводилось по линии сравнения динамики параметров «языкового рынка» Балтийского региона и Европейского союза.

В целом лингвальная структура населения Европейского союза в наблюдаемый период характеризовалась преобладанием монолингвов и билингвов, в то время как Балтийский регион отличается большей полилингвальностью и доминированием билингвов и трилингвов. Изменение соотношения между названными группами населения в виде циклических колебаний определялось, по всей видимости, миграционными процессами и качеством проводимой миграционной политики. Некоторым исключением выступили Латвия, Литва и Эстония, динамика изменения языковой интеграции и полиязычности которых была стабильной и не характеризовалась резкими скачками. Можно сделать предварительный вывод о том, что участие государств в интеграционных процессах является фактором, способствующим росту полиязычности населения. По крайней мере это справедливо для Балтийского региона в исследуемый период времени, а также для каждой из входящих в него стран. На примере Балтийского региона можно предположить, что интеграционные процессы в языковом измерении могут характеризоваться коммуникативной вариативностью и расширением возможностей для выбора языка общения.

В самом общем виде можно утверждать, что развитие интеграционных объединений ведет не к формированию языка-гегемона, а к усилению и взаимопроникновению языков ведущих экономических государств в рамках данных объединений. Именно развитость товарных рынков тех или иных государств и привлекательность их рынков труда выступают основным фактором, детерминирующим динамику спроса на тот или иной язык.

Одновременно с этим можно констатировать и наличие двух гетерохронных процессов в рамках развития высокоинтегрированных надгосударственных объединений: а) тенденции к росту монополизации «языкового рынка» интеграционного объединения и «языковых рынков» субрегионов данного объединения; б) тенденции к снижению монополизации на внутригосударственных «языковых рынках» стран — участниц данного объединения. Более того, можно выдвинуть предположение о наличии тенденции к выравниванию уровня концентрации внутригосударственных «языковых рынков» и «языковых рынков» субрегионов и интеграционного объединения в целом. По крайней мере процессы в Балтийском регионе с 2000 по 2016 год демонстрируют подобное развитие событий. Для оценки того, является ли эта тенденция общей, или же она справедлива только для анализируемого региона, необходима реализация схожих исследований по другим субрегионам Европейского союза, а в идеале — и в рамках оценки других интеграционных объединений (прежде всего НАФТА).

Отдельной важной задачей выступает изучение прибалтийских регионов Российской Федерации (Калининградской, Ленинградской областей и Санкт-Петербурга) с помощью данной методики. Только после ее решения станет возможным провести комплексный анализ трендов развития Балтийского макрорегиона. К сожалению, на сегодняшний день отсутствие исходных данных не позволяет это сделать на научно-объективной основе.

Вышеизложенное позволяет заключить, что динамика конкуренции языков в значительной степени определяется объективным уровнем социально-экономического развития стран и только затем — языковой политикой современных государств. Особенно разница в результативности первого и второго факторов очевидна там, где языковая политика исходит из концепции противодействия, ассимиляции, «мягкой силы», а не учета реального спроса на те или иные языки.

Статья подготовлена в рамках проекта № 19-011-00328 А «Разграничение предметов ведения и полномочий в Российской Федерации как конституционная форма выбора федеральным центром экономического поведения: проблемы реформирования» и выполнена на базе Международной лаборатории, созданной при поддержке Мегагранта Правительства РФ № 14.W03.31.0027.

Список литературы

1. *Нье J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004.*
2. *Наумов А. О. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США // Стратегия России. 2016. № 1. С. 57—64.*
3. *Наумов А. О. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США // Стратегия России. 2016. № 2. С. 65—76.*
4. *Потебня А. А. Мысль и язык. Киев, 1993.*
5. *Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 2007.*
6. *Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики : монография. 4-е изд. М., 1981.*
7. *Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира. 2-е изд. М., 1990.*
8. *Аюпова Л. Л., Ибрагимова В. Л. Содержание понятия «языковая ситуация» в отечественной и зарубежной литературе // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. Е. П. Чельшева. М., 2010. С. 81—90.*

9. *Крючкова Т. Б.* О понятийно-терминологическом аппарате описания языкового состояния // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. Е. П. Чельшева. М., 2010. С. 63—80.
10. *Хашимов Р. И.* Языковая политика и этносоциоллингвистические термины и понятия // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. Е. П. Чельшева. М., 2010. С. 91—101.
11. *Тарасов И. Н.* Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 34—44. doi: 10.31429/26190567-20-2-34-44.
12. *Казак Е. А., Клименко О. К.* Язык в глобальном контексте: Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен : сб. обзоров. М., 2013.
13. *Марусенко М. А.* Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный экономический аспекты. СПб., 2014.
14. *Трошина Н. Н.* Немецкий язык в современной Европе (научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров. М., 2015. С. 102—121.
15. *Трошина Н. Н.* Языковая ситуация в Европе в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров. М., 2015. С. 5—13.
16. *Кирилина А. В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров. М., 2015. С. 122—135.
17. *Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. B. ; N.Y., 2014.
18. *Ammon U.* Thesen zur Abträglichkeit der EU-Sprachenpolitik für Deutsch als Fremdsprache, Der Sprachdienst. 2009. H. 1. S. 16—19.
19. *Devlin K.* Speaking the national language at home is less common in some European countries: update 2020, Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/06/speaking-the-national-language-at-home-is-less-common-in-some-european-countries/> (дата обращения: 06.08.2020).
20. *Штейнке К.* Глобализация — регионализация и лингвистика / пер. с нем. // Глобализация — этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. Кн. 1. С. 249—258.
21. *Солнцев Е. М.* Французский язык в современном мире (научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : сб. обзоров. М., 2015. С. 136—145.
22. *Akova S., Kantar G.* Globalization in the context of multiculturalism and ethnicity in the Western Balkans and intercultural communication // Journal of Public Affairs. 2020. Vol. 21, № 2. doi: 10.1002/pa.2185.
23. *Xiong T., Li Q. N., Hu G. W.* Teaching English in the shadow: identity construction of private English language tutors in China // Discourse-Studies in the cultural politics of education. 2020. doi: 10.1080/01596306.2020.1805728.
24. *He J.* A language-political and comparative Examination of the German Language in Japan, Korea and China Historical Overview, Present Situation and Future Perspectives // Muttersprache. 2020. Vol. 130, № 3—4. P. 216—234.
25. *Emmorey K., Mott M., Meade G. et al.* Lexical selection in bimodal bilinguals: ERP evidence from picture-word interference // Language Cognition and Neuroscience. 2020. doi: 10.1080/23273798.2020.1821905.
26. *Sarkis J. T., Montag J. L.* The effect of lexical accessibility on Spanish-English intra-sentential codeswitching // Memory & Cognition. 2021. № 49. P. 163—180. doi: 10.3758/s13421-020-01069-7.
27. *Wong S. W.L., Cheung H., Zheng M. et al.* Effect of Twinning on Chinese and English Vocabulary Knowledge // Child Development. 2020. Vol. 12, № 6. P. 1886—1897. doi: 10.1111/cdev.13400.
28. *Mandal S., Best C. T., Shaw J., Cutler A.* Bilingual phonology in dichotic perception: A case study of Malayalam and English voicing // Glossa-A Journal of General Linguistics. 2020. Vol. 5, № 1:73. doi: 10.5334/gjgl.853.
29. *Saha S., Chakraborty N., Kundu S. et al.* Multi-lingual scene text detection and language identification // Pattern Recognition Letters. 2020. Vol. 138. P. 16—22. doi: 10.1016/j.patrec.2020.06.024.
30. *Sanjaume-Calvet M., Riera-Gil E.* Languages, secessionism and party competition in Catalonia: A case of de-ethnicising outbidding? // Party Politics. 2020. doi: 10.1177/1354068820960382.
31. *McDonald M., Kaushanskaya M.* Factors modulating cross-linguistic co-activation in bilinguals // Journal of phonetics. 2020. Vol. 81. doi: 10.1016/j.wocn.2020.100981.

32. *Malins J. G., Landi N., Ryherd K. et al.* Is that apibuorapibo? Children with reading and language deficits show difficulties in learning and overnight consolidation of phonologically similar pseudowords // *Developmental Science*. 2021. Vol. 24, № 2: 13023. doi: 10.1111/desc.13023.
33. *Silver B.* Methods of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census // *Soviet Studies*. 1975. Vol. 27, № 4. P. 574—597.
34. *Хо Сун Чхол.* Языковая ситуация в России и других новых независимых государствах бывшего СССР: анализ данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции.* М., 2000. С. 381—391.
35. *Dauth W., Findeisen S., Suedekum J.* Adjusting to Globalization in Germany // *Journal of Labor Economics*. 2021. Vol. 39, № 1. doi: 10.1086/707356.
36. *Carbonell J. M.* Cross-Cultural Communication, Public Diplomacy and Soft Regulation in Global Society // *Trípodos*. 2018. Vol. 42. P. 11—20.
37. *Айрапетян А. С.* Математическая оценка динамики полиязычности в современном мире // *Психолого-экономические исследования*. 2019. № 3. С. 20—28.
38. *Неверов А. Н., Айрапетян А. С.* Языковые рынки и инструменты их анализа // *Психолого-экономические исследования*. 2019. № 2. С. 11—22.
39. *De Stefano C.* Reforming the Governance of International Financial Law in the Era of Post-Globalization // *Journal of International Economic Law*. 2017. Vol. 20, № 3. P. 509—533. doi: 10.1093/jiel/jgx029.
40. *Benocci B.* A twenty-five year transition. The forms of power and the alleged crisis of the nation-state in the contemporary age // *OASIS*. 2018. Vol. 28. P. 7—24. doi: 10.18601/16577558.n28.02.
41. *Badie B.* Exploring the New World // *New Perspectives on the International Order: No Longer Alone in This World*. 2019. P. 53—74. doi: 10.1007/978-3-319-94286-5_4.
42. *Beloshitzkaya V.* Democracy and Redistribution: The Role of Regime Revisited // *East European Politics and Societies*. 2019. Vol. 34, № 3. P. 571—590. doi: 10.1177/0888325419892063.
43. *Ballor G. A., Yildirim A. B.* Multinational Corporations and the Politics of International Trade in Multidisciplinary Perspective, Business and Politics. 2020. Vol. 22, № 4. P. 573—586. doi: 10.1017/bap.2020.14.
44. *Hirschman A.* National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkely ; Los Angeles, 1945.

Об авторах

Александр Николаевич Неверов, доктор экономических наук, профессор, директор, Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС, Россия.

E-mail: neverov@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Антон Юрьевич Маркелов, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС, Россия.

E-mail: markelov@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5118-3324>

Армен Самвелович Айрапетян, кандидат юридических наук, научный сотрудник, Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина РАНХиГС, Россия.

E-mail: airapetian-as@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3165-7019>

EVALUATING THE IMPACT OF INTEGRATION PROCESSES ON THE ETHNOPOLITICAL COMPETITION OF LANGUAGES IN THE BALTIC REGION

A. N. Neverov

A. Yu. Markelov

A. S. Airapetian

Stolypin Volga Region Institute of Administration RANEP
164 Moskovskaya ul., Saratov, 410012, Russia

Received 20 November 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-4
© Neverov, A. N., Markelov, A. Yu.,
Airapetian, A. S. 2021

The impact of integration processes on language learning and usage is traditionally evaluated in the literature through the prism of sociolinguistics or soft power. This article proposes a new conceptual approach based on measuring various aspects of competition between languages. The language integration and monopolisation indices and the multilingualism coefficient serve as measurement tools. The approach is tested on the situation in the Baltic region of the EU. The article uses data from Eurostat, Eurobarometer, and the Baltic statistical offices to analyse the performance of Baltic language markets by assessing the impact of EU integration on the use of languages in the region. The findings show a growing tendency towards multilingualism in countries participating in integration associations. Integration bodies, however, do not give one language precedence over others but encourage the interpenetration of the languages of their leading economies. The main factor behind the demand for a language is the strength of commodity and labour markets in the country where it is spoken. The article concludes that close economic and political integration stimulates heterochronous processes in supranational associations. The first one is increasing monopolisation in the language market of the association and the language markets of its sub-regions. The second process is a decrease in monopolisation in national language markets.

Keywords:

Baltic region, language market, language integration, language monopolisation, polylingualism, competition between languages

References

1. Nye, J. S. 2004, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, 191 p.
2. Naumov, A. O. 2016, "Soft power" and "Smart power". Foreign policy experience of USA, *Strategiya Rossii* [Russia's strategy], no. 1, p. 57–64 (In Russ.).
3. Naumov, A. O. 2016, "Soft power" and "Smart power". Foreign policy experience of USA, *Strategiya Rossii* [Russia's strategy], no. 2, p. 65–76 (In Russ.).
4. Potebnya, A. A. 1993, *Mysl' i yazyk* [Think and language], Kiev, SINTO, 192 p. (In Russ.).
5. Vygotskij, L. V. 2007, *Myshlenie i rech'* [Thought and oration], Moscow, Labirint, 350 p. (In Russ.).
6. Leont'ev, A. N. 1981, *Problemy razvitiya psihiki* [The problems of psychic progress].— 4-e izdanie, Mocov, 584 p. (In Russ.).
7. Leont'ev, A. A. 1990, *Puteshestvie po karte yazykov mira* [The trip on World language map], Moscow, Prosveshchenie, 144 p. (In Russ.).
8. Ayupova, L. L., Ibragimova, V. L. 2010, *Soderzhanie ponyatiya «yazykovaya situatsiya» v otechestvennoi izarubezhnoi literature* [The content of the concept of "language situation" in domestic and foreign literature], The decision of the national language issues in the modern world. CIS and Baltic Countries, Azbukovnik, p. 81–90 (In Russ.).
9. Kryuchkova, T. B. 2010, *O ponyatiino-terminologicheskom apparate opisaniya yazykovogo sostoyaniya* [On the conceptual and terminological apparatus for describing the language state], The decision of the national language issues in the modern world. CIS and Baltic Countries, Azbukovnik, p. 63–80 (In Russ.).

To cite this article: Neverov, A. N., Markelov, A. Yu., Airapetian, A. S. 2021, Evaluating the impact of integration processes on the ethnopolitical competition of languages in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 3, p. 58–77. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-4.

10. Khashimov, R. I. 2010, *Yazykovaya politika i etnosotsiolingvisticheskie terminy i ponyatiya* [Language policy and ethnosociolinguistic terms and concepts], The decision of the national language issues in the modern world. CIS and Baltic Countries, Azbukovnik, p. 91 — 101. (In Russ.)
11. Tarasov, I. N. 2019, Instruments of ethnic policy in Latvia, *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsi-al'nykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], vol. 20, no. 2, p. 34—44 (In Russ.).
12. Kazak, E. A., Klimenko, O. K. 2013, *Yazyk v global'nom kontekste: Severnaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoi fenomen* [Language in a global context: North America today as a cultural and linguistic phenomenon], Collection of reviews, 166 p. (In Russ.)
13. Marusenko, M. A. 2014, *Yazykovaya politika Evropeiskogo Soyuza: institucional'nyi, obrazovatel'nyi ekonomicheskii aspekty* [Language policy of the European Union: institutional, educational and economic aspects], Publishing house of the St. Petersburg University, 288 p. (In Russ.).
14. Troshina, N. N. 2015, The German language in modern Europe (scientific and analytical review). In: Troshina, N. N. (ed.) *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka* [The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century], scientific and analytical review, Moscow, p.102—121 (In Russ.).
15. Troshina, N. N. 2015, *Yazykovaya situatsiya v Evrope v epokhu globalizatsii* [The language situation in Europe in the era of globalization]. In: Troshina, N.N. (ed.) *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka* [The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century], scientific and analytical review, Moscow, p.5—13 (In Russ.).
16. Kirilina, A. V. 2015, The linguophilosophicalreflexion in the age of globalization. In: Troshina, N.N. (ed.) *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka* [The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century], scientific and analytical review, Moscow, p. 122 — 135. (In Russ.).
17. Ammon, U. 2014, *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*, B.; N.Y. XVIII, 1296 s.
18. Ammon, U. 2009, Thesen zur Abträglichkeit der EU-Sprachenpolitik für Deutsch als Fremdsprache, *Der Sprachdienst*, H. 1, s. 16—19.
19. Devlin, K. 2020, Speaking the national language at home is less common in some European countries: update 2020, *Pew Research Centre*, available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/06/speaking-the-national-language-at-home-is-less-common-in-some-european-countries/> (accessed 6 August 2020).
20. Shteinke, K. 2006, Globalization — regionalization and linguistics. In: *Globalizatsiya — etnizatsiya: Etnokul'turnye i yazykovye protsessy* [Globalization — Ethnization: Ethnocultural and Linguistic Processes], p. 249 — 258 (In Russ.).
21. Solntsev, E. M. 2015, French in the modern world (scientific and analytical review). In: Troshina, N. N. (ed.) *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka* [The linguistic situation in Europe at the beginning of the XXI century], scientific and analytical review, Moscow, p. 136—145 (In Russ.).
22. Akova, S. Kantar, G. 2020, Globalization in the context of multiculturalism and ethnicity in the Western Balkans and intercultural communication, *Journal of Public Affairs*. doi: <https://doi.org/10.1002/pa.2218>.
23. Xiong, T., Li, Q. N., Hu, G. W. 2020, Teaching English in the shadow: identity construction of private English language tutors in China, *Discourse-Studies in the cultural politics of education*, doi: <https://doi.org/10.1080/01596306.2020.1805728>.
24. He, J. 2020, A language-political and comparative Examination of the German Language in Japan, Korea and China Historical Overview, Present Situation and Future Perspectives, *Muttersprache*, vol. 130, no 3—4, p. 216—234.
25. Emmorey, K., Mott, M., Meade, G., Holcomb, P.J., Midgley, K.J. 2020, Lexical selection in bimodal bilinguals: ERP evidence from picture-word interference, *Language Cognition and Neuroscience*. doi: <https://doi.org/10.1080/23273798.2020.1821905>.
26. Sarkis, J. T., Montag, J. L. 2020, The effect of lexical accessibility on Spanish-English intra-sentential codeswitching, *Memory & Cognition*. doi: <https://doi.org/10.3758/s13421-020-01069-7>.
27. Wong, S. W. L., Cheung, H., Zheng, M., Yang, X. J., McBride, C., Ho, C. S. H., Leung, S. M., Chow, B. W. Y., Waye, M. M. Y. 2020, Effect of Twinning on Chinese and English Vocabulary Knowledge, *Child Development*. doi: <https://doi.org/10.1111/cdev.13400>.
28. Mandal, S., Best, C. T., Shaw, J., Cutler, A. 2020, Bilingual phonology in dichotic perception: A case study of Malayalam and English voicing, *Glossa-A Journal of General Linguistics*, vol. 5, no 1. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.853>.
29. Saha, S., Chakraborty, N., Kundu, S., Paul, S., Mollah, A. F., Basu, S., Sarkar, R. 2020, Multi-lingual scene text detection and language identification, *Pattern Recognition Letters*, no. 138, p. 16—22. doi: <https://doi.org/10.1016/j.patrec.2020.06.024>.
30. Sanjaume-Calvet, M., Riera-Gil, E. 2020, Languages, secessionism and party competition in Catalonia: A case of de-ethnicising outbidding? *Party Politics*. doi: <https://doi.org/10.1177/1354068820960382>.

31. McDonald, M., Kaushanskaya, M. 2020, Factors modulating cross-linguistic co-activation in bilinguals, *Journal of Phonetics*, no. 81. doi: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2020.100981>.
32. Malins, J. G., Landi, N., Ryherd, K., Frijters, J.C., Magnuson, J.S., Rueckl, J.G., Pugh, K.R., Sevcik, R., Morris, R. 2020, Is that apibuorapibo? Children with reading and language deficits show difficulties in learning and overnight consolidation of phonologically similar pseudowords, *Developmental Science*. doi: <https://doi.org/10.1111/desc.13023>.
33. Silver, B. 1975, Methods of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census, *Soviet Studies*, vol. 27, no. 4, p. 574—597.
34. Xo Hur, S. C. 2000, The language situation in Russia and other newly independent states of the former USSR: analysis of data from the 1989 All-Union Population Census. In: *Yazyki Rossiiskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya. Status i funktsii* [Languages of the Russian Federation and the New Abroad. Status and functions], Moscow, p. 381—391 (In Russ.).
35. Dauth, W., Findeisen, S., Suedekum, J. 2021, Adjusting to Globalization in Germany, *Journal of Labor Economics*. doi: <https://doi.org/10.1086/707356>.
36. Carbonell, J. M. 2018, Cross-Cultural Communication, Public Diplomacy and Soft Regulation in Global Society, *TRIPODOS*, no. 42, p. 11—20.
37. Airapetian, A. S. 2019, The mathematical instruments of measures the polylingual dynamic in modern world, *Psikhologo-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of psycho-economics], no. 3, p. 20—28 (In Russ.).
38. Neverov, A.N., Airapetian, A.S. 2019, Markets of language and the tools of its analysis, *Psikhologo-ekonomicheskie issledovaniya* [Journal of psycho-economics], no. 2, p. 11—22 (In Russ.).
39. de Stefano, C. 2017, Reforming the Governance of International Financial Law in the Era of Post-Globalization, *Journal of International Economic Law*, vol. 20, no 3, p. 509—533. doi: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgx029>.
40. Benocci, B. 2018, A twenty-five year transition. The forms of power and the alleged crisis of the nation-state in the contemporary age, *OASIS-OBSERVATORIO DE ANALISIS DE LOS SISTEMAS INTERNACIONALES*, no. 28, p. 7—24. doi: <https://doi.org/10.18601/16577558.n28.02>.
41. Badie, B. 2019, Exploring the New World. In: *New Perspectives on the International Order: No Longer Alone in This World*, p. 53—74. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-94286-5_4.
42. Beloshitzkaya, V. 2019, Democracy and Redistribution: The Role of Regime Revisited, *East European Politics and Societies*, vol. 34, no. 3, p. 571—590. doi: <https://doi.org/10.1177/0888325419892063>.
43. Ballor, G. A., Yildirim, A. B. 2020, Multinational Corporations and the Politics of International Trade in Multidisciplinary Perspective, *Business and Politics*, vol. 22, no 4, p. 573—586. doi: <https://doi.org/10.1017/bap.2020.14>.
44. Hirschman, A. 1945, *National Power and the Structure of Foreign Trade*, Berkely and Los Angeles, University of California Press, 1945, 170 p.

The authors

Prof. Alexander N. Neverov, Director, Centre of Psycho-Economics Research, Stolypin Volga Region Institute of Administration RANEPА, Russia.

E-mail: neverov@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4219-5291>

Prof. Anton Yu. Markelov, Leading Research Fellow, Center for Psycho-Economics Research, Stolypin Volga Region Institute of Administration — branch of RANEPА, Russia.

E-mail: markelov@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5118-3324>

Dr Armen S. Airapetian, Senior Research Fellow, Centre for Psycho-Economics Research, Stolypin Volga Region Institute of Administration RANEPА, Russia.

E-mail: airapetian-as@ipei.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3165-7019>